

Н.А. Купина
(Екатеринбург)

**ТОТАЛИТАРНЫЕ
ИДЕОЛОГЕМЫ
И МИФОЛОГЕМЫ
НА СТРАНИЦАХ
РАЙОННЫХ ГАЗЕТ УРАЛА**

Концепты, разрабатываемые современными федеральными и региональными газетными изданиями, отличаются разнородностью, которая препятствует формированию целостности как условия существования системы и, следовательно, возможности системного изучения учеными общественного и общественно-языкового сознания, так как "главное в системном подходе – это рассмотрение исследуемого объекта как некоторой целостности или системы, если, разумеется, объект обладает соответствующими свойствами, и анализ составных частей и различных свойств объекта именно под углом зрения целого" [17, с. 13; 14, с. 5]. Важная задача, стоящая перед исследователями феномена разорванности языкового сознания россиян, связана с выявлением причин асистемности, неупорядоченности концептосферы.

Разнородность, разорванность концептосферы объясняется не только резкими социальными изменениями в жизни российского общества [2, с. 8-16], но и активными языковыми процессами рубежа XX – XXI веков [5; 7; 13; 15; 16]. Под влиянием этих процессов на многих участках концептосферы отмечается нарушение регулярных связей между именем концепта и его содержанием, в то время как условием закрепления концепта в общественном языковом сознании выступает его "закрепленность за определенным способом

языковой реализации" [3, с. 47]. Нарушение целостности концептосферы объясняется также наличием различных источников культурных концептов, значимых для современного общественного сознания. В общем виде можно выделить следующие источники: русская традиционная культура, в том числе культура православия; тоталитарная советская культура, в том числе культура воинствующего атеизма; складывающаяся культура постсоветского времени, характеризующаяся интенсивным осмыслением новых реалий и идей, в том числе заимствованных из западного культурного мира. Меньше чем за 100 лет российский народ был вынужден дважды пересматривать национальную систему ценностей. Можно согласиться с В.П. Лукьяниным в том, что "разрушение общенациональных представлений об историческом прошлом, о достоинстве и чести гражданина, о ценностях жизни и культуры для общества в целом равнозначно распаду центральной нервной системы в отдельном организме: организм еще живет, но он уже недееспособен" [9, с. 20]. Действительно, мировоззренческая ломка тормозит развитие общественного сознания. Россия, которую по праву воспринимают в мире как страну идей, испытывает потребность в новых идеях. Кризис идей, их дефицит отрицательно сказывается на психологическом состоянии общества.

В данном исследовании используется рамочное соотношение *постсоветский, современный – советский*. На базе этого соотношения выявляются тоталитарные идеологемы и мифологемы в речевой структуре газетного текста. Источник материала – районные газеты Урала.

Советский период развития русского языка и культуры вошел в историю как период тоталитарный; современный – как посттоталитарный. Характерно, что в речевом употреблении прилагательное свойство, "обозначающее признак предмета... как постоянный атрибут" [11, с. 61], точно определяющее разновидность посттоталитарного общественного устройства России, отсутствует, ибо последнее в полной мере не соответствует ни буржуазному, ни демократическому, ни постиндустриальному устройству общества и – отраженно – типу культуры.

Отсутствие автоматизма в механизмах самоидентификации (*кто мы? какое общество мы строим/ построим?*) – одно из следствий культурно-концептуальной разорванности языкового общественного сознания. Носители современного русского языка, то есть язык постсоветской эпохи, столкнулись с необходимостью переосмысления тех культурных концептов, которые в языке советской эпохи имели четкие номинации и соответствующие эмоциональные и рациональные оценки (безусловно положительные или безусловно отрицательные), позволявшие подвести каждую из номинаций к одной из сторон бинарной аксиологической оппозиции [8, с. 6-43]: *свое (советское, наше) – буржуазное (чужое, не наше)*. Переосмысление содержательно-оценочного наполнения каждого отдельного концепта оказывается втянутым в переосмысление всей системы культурных ценностей в ее языковом выражении. Наивно было бы полагать, что идеологические опоры тоталитарной культуры могут безвозвратно исчезнуть, а образовавшиеся в концептосфере лакуны естественно "зарубце-

ваться" или механически наполниться новыми концептами. Сложность когнитивных механизмов обуславливает необходимость разностороннего исследования средств языкового выражения культурно-ценностных предпочтений носителей языка в конкретных социокультурных условиях. Именно эти языковые средства могут служить объектом диагностики современного состояния языкового общественного сознания.

В тоталитарной культуре язык становится действенным инструментом влияния на общественное сознание. Основная функция языка в тоталитарном государстве – функция предписательности. Операционными единицами языка становятся идеологемы и мифологемы. Особенность идеологемы в том, что ее значение связано с денотатом (обозначаемым) политического характера. Идеологемы – это вербально выраженные политические или политизированные идеи. С лингвистической точки зрения, идеологема – это слово (например, *партийность*), словосочетание (например, *развитой социализм*), предложение (например, *Рабочий класс ответил на призыв партии беспримерным трудовым подъемом*), текст (например, *постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года «О журналах "Звезда" и "Ленинград" ...»*). В отмеченном тексте, например, ключевыми были идеологемы *мелкобуржуазности*, *вредоносности*, *упадничества*, предципирующие творчество очень разных художников – А.Ахматовой и М.Зощенко – как чуждое "нашей" идеологии. Ярлык "чуждости" вытесняет произведения этих авторов за пределы советской литературы и автоматически приводит в действие институты идеологического влияния, которые разрабатывают акции политиче-

ского осуждения безыдейности и упадничества в художественной литературе. В советскую эпоху политизируются все основные участки национальной концептосферы; содержание отдельных концептов примитивизируется; на первый план общественного восприятия выдвигается политическая составляющая концепта; сам концепт мыслится как идеологема, а система идеологически ориентированных концептов трансформируется в систему идеологем, порождающую два основных типа мифологем.

Значение идеологемы может получать добавку, т.е. приращение, объективно обладающее недостоверностью. Такое приращение мифологизирует идеологему. При этом "определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается" [1, с. 234]. Например, слово *трудолюбивый* в значении 'человек, живущий своим трудом' [12, с. 614] использовалось как идеологема, обозначающая типовой субъект, деятельность которого направлена на благо страны. Использование топа тождества в стандартном высказывании, которое характеризует объективной реальной модальностью (*Трудящиеся – подлинные хозяева страны*), мифологизирует идеологему. Утверждается, что трудящиеся владеют богатством, плодами своего труда, полновластно распоряжаются собственностью и жизнью страны. Данное утверждение поддерживает фундаментальную идею *диктатуры пролетариата* и, как всякий политический мифологизированный стереотип, используется "для реализации политических целей борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства" [19, с. 56].

Образцовые идеологические тексты поддерживают мифологическую добавку, которая внедряется в языковое сознание всеми возможными средствами. Например, в "Толковом словаре русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова (1940) слово *трудящиеся* иллюстрируется с помощью извлечений из авторитетных текстов влияния: *Вся власть в СССР принадлежит трудящимся ...* (Конституция СССР); *В нашей стране рабочий класс и вся масса трудящихся идет вперед под высоко поднятым победоносным знаменем партии Ленина – Сталина* (Молотов). В данном случае опорная идеологема *трудящиеся* соотносится с реальным денотатом (люди, живущие своим трудом). Мифологические добавки вторгаются в денотативное значение и сращиваются с ним. Мифологизированные идеологемы способствуют деформации традиционной, собственно русской картины мира.

Особой значимостью обладают собственно мифологемы, характеризующиеся наличием квазиденотата, как, например, слово *коммунизм*, отмеченное "Словарем русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в значении 'общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа "От каждого – по способностям, каждому – по потребностям". Общество, отвечающее всем входящим в словарное определение параметрам, построить невозможно, следовательно, означаемое нельзя квалифицировать как реальный объект. Вместе с тем мифологема коммунизма является фундаментальной мировоз-

зренческой мифологемой. Ее внедрение в массовое сознание сопровождается конструированием сценария, имеющего свой хронотоп (*в отдельно взятой стране/ в СССР/ в странах социалистического содружества/ во всем мире; прекрасное будущее/ следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме*), субъектную организацию (*строители коммунизма, коммунисты, партия и народ ↔ буржуазия, мировая буржуазия, враги коммунизма*). Данный сценарий обладает также стратегической направленностью (*Наша цель – коммунизм*) и реалистическим пафосом (*Коммунизм стал самой революционной силой развития человечества, господствующей идеологией нового общества, в котором живут уже сотни миллионов населения мира* – История КПСС, 1986. См.: [18, с. 311]).

Миф, следовательно, имеет свою драматургию, которая способствует созданию особой мифологической реальности, воспринимаемой человеком как истина [6, с. 142]. Миф – это скорее драма, а не "рассказ, в котором уместаются любые конкретные события" [10, с. 40]. *Мифологема* выступает как имя мифа.

В тоталитарном языке мифологические смыслы получали стереотипные формы выражения. Стандартизованность, регулярность, обязательность, письменная закреплённость, тиражированность – все это способствовало автоматизму восприятия и воспроизведения мифологем.

Тоталитарные идеологемы и мифы проявляют "упрямство". Несмотря на коренные социальные изменения, они все еще являются приметой общественного сознания. Газеты, которые ориентируются на читателей, сохраняющих

верность советским идеологическим принципам и ценностям, активно используют идеологические резервы тоталитарного языка. Напротив, в новейших либеральных изданиях происходит намеренное отчуждение от идеологических штампов советского времени. Нередко наблюдается погружение идеологем и мифологем недавнего прошлого в профанную речевую среду.

Социальная востребованность тоталитарных идеологических конструктов ярко проявляется в текстах районных газетных изданий. В небольших городах и посёлках Урала, сохранивших градообразующие предприятия, а следовательно, и рабочих, от которых зависит сам факт существования завода, комбината, фабрики, выходят газеты, которые не изменили советские названия (*Верный путь, Красная Вишера, Чусовской рабочий, Чусовской металлург, Шахтёр, Уральский шахтёр, Соль земли, Рабочая жизнь, Искра, Искра Прикамья, Рассвет, Заря, Вперёд* и др.) и стиль советской районной прессы. Обращает на себя внимание идеологическая штампованность, точно рассчитанная на адресата – рабочего конкретного предприятия. Особое внимание газета уделяет *трудовым будням, производственным достижениям, трудовым подвигам*. Мифологизируется *трудовой коллектив*, который *в ответе за судьбы завода и целого города*. Субъектная иерархия основана на диалектике категорий части и целого. *Труженник* ощущает себя частью *бригады, цеха*, всего *завода*. Залог успехов – коллективное начало: *Второй корпус даёт основу всей продукции завода, здесь режется заготовка, производится сборка и сварка металлоконструкций, порезка проката на пилах, металлопрофиля на ножни-*

цах, изготавливаются трубы, лабиринты, манжеты на ролики для конвейеров. Дальнейшая обработка деталей происходит в других цехах, а затем уже собираются конвейеры, электровозы, породопогрузочные машины, вагонетки, запасные части к горношахтному оборудованию. Одним словом, от ритмичной работы второго цеха зависит благополучие всего завода (газета «Рабочая жизнь»). В рубрике *Дела производственные* регулярно отмечаются передовики производства, на которых должны равняться молодые ребята: *На первом пролёте цеха №6 хорошо работают штамповщики: Виктор Рябец на самом мощном трёхсоттонном, и Альберт Назипов на комбинированной колке. Естественно, здесь не обойтись без внимательного, знающего стропальщика Александра Захарова. На втором пролёте сварщик Юрий Питкин соберёт и сварит любой сложный узел, а Владимир Попов, кроме чёрных металлов, может хорошо варить и цветные. А, например, Анатолий Васев не только хорошо собирает и варит узлы, ещё может работать на листогибе. Здесь же хорошо трудятся женщины электросварщицы: Нина Крыласова и Татьяна Кузнецова <...>* (газета «Рабочая жизнь»). Публикуются адресные *Слова благодарности*, актуализирующие идеологему *гордости лучшими людьми производства*. Газетные заголовки регулярно поддерживают мифологизированную идеологему гигантизма: *Большие дела – по плечу; Большой объём работ увеличивается; В ожидании большого бетона; Впереди грандиозные планы* и др. В текстах на базе готовых штампов разрабатывается образ человека труда: *Сергей Владимирович Столбов – это надежда и опора*

коллектива ремонтников; Труд на благо родного завода; Добросовестно трудятся машинисты насосных станций Нина Михайловна Бужреева, Анна Михайловна Ганина... (всего 100 фамилий – газета «Чусовской рабочий»). Воспеваются активная жизненная позиция члена коллектива, для которого не бывает чужих бед и чужих проблем (газета «Чусовской металлург»). В традициях советского времени рабочие оцениваются как движущая сила общества, однако идеологема рабочий класс заменяется идеологемой рабочий коллектив, завод, предприятие, а концепт общество заменяется концептами земля, область, край, город. Идеологически ценностным смыслом наполняется местоимение наши, например: Заводчане на протяжении более чем вековой истории существования предприятия не раз доказывали, что они являются опорой и поддержкой для всей родной земли. Любовь к ней, забота о ней, доброе отношение к людям, которые её населяют, – вот подлинный фундамент нашего края, вот настоящий двигатель наших решений и поступков. Наша логика и наши мотивы – просты и ясны. Что хорошо для завода – хорошо и для города, потому что чем лучше себя чувствует завод, тем полнее городская казна. Что хорошо для города – хорошо для завода <...> (газета «Чусовской металлург»). Актуальной остаётся идеологема солидарности (*Рабочая солидарность – огромная сила*) в совокупности с родственными концептами единства (*заводчан, завода и города*), сотрудничества, согласия, взаимной поддержки, справедливости.

Идеологическая штампованность позволяет акцентировать мифологические смыслы советского времени. На-

пример, на страницах газеты «Верный путь» (Ординский район Пермской области) развивается миф о бескорыстном героическом труде рабочих на благо родного края. Используется композиционная сетка, которая эксплуатировалась советской прессой: 1) повествование о труженике (субъект именуется в уважительной тональности) и трудовом коллективе; 2) рассказ о беззаветном труде передовиков, их трудовом подвиге (акцентируется высокая общественная значимость результатов этого труда); 3) критика отдельных недостатков, препятствующих еще более высокой производительности труда: *Пять лесников трудятся в лесу: вальщик леса Александр Аркадьевич Ведерников, тракторист Владимир Иванович Собянин, чоковеровички-сучкорубы-огребички Александр Владимирович Ваулин, Алексей Аркадьевич Ведерников, Андрей Демьянович Герасименко. Это они выполняют производственные задания, вносят вклад в укрепление предприятия, обеспечивают жителей Велса дровами. Наши люди прекрасные специалисты, потомственные лесорубы, могли бы работать еще более производительно, но...* Активизация мифологем нередко объясняется пропагандистской задачей момента. Например, в период подготовки референдума по вопросу объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа мифологема дружба народов использовалась как аргумент в пользу проводимой политической акции. Обращение к идеологическим опорам советского времени призвано пробудить высокие чувства, заставить участников референдума ощутить себя гражданами великой державы, включиться в обновленную идеологическую реальность: *Дружба*

народов не была пустым словом в бывшем СССР. И проявилось это не только на фронтах Великой Отечественной войны <...>. Часто, отгораживаясь друг от друга различными барьерами, мы забываем, что у нас не только общая страна, но и очень славное общее прошлое. Прошлое, овеянное легендами.

...7 декабря состоится референдум по вопросу объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Нам предстоит решить, как дальше жить. И следует помнить, что от нашего участия в референдуме зависит будущее нашего края (газета "Частинские вести").

Мифологический орнамент тоталитарных идеологов используется при освещении проблем городских школ, в которых учатся дети рабочих. Распространены заметки об учителях-подвижниках, их бескорыстном труде. Публикуются трогательные стихи, которые дети и родители посвящают учителям, юбилейные поздравления. Газеты рассказывают о педагогической пропагандистской работе. Например, сакрализация идеи патриотизма соединяется с методами и приемами советского патриотического воспитания, причем в тексте статьи (которая приводится в сокращении), хоть и есть упоминание о новых технологиях воспитательной работы, отражен опыт советских образовательных учреждений. За каждой из идеологических номинаций, например, *месячник героико-патриотической работы, выпуски боевых листков, встречи с ветеранами войны* стоит ритуализированный культурный сценарий. Элементы ритуала способствуют восприятию мифологических смыслов как реальных. Единственным отступлением от языковых то-

талитарных советских образцов является сочетание зона *"Милосердие"* (скорее всего здесь калькируются мифологизированные идеи тимуровского движения). В приведенном и подобных текстах ощущается дефицит вербального обновления вечных мифологем и отсутствие современных педагогических приемов формирования мировоззренческих установок подростков: *"Гражданин Отечества"* – направление, по которому в течение трех лет работает весь педагогический коллектив совместно с учащимися. За данный период накоплен определенный опыт работы по патриотическому воспитанию учащихся, по подготовке к призыву на военную службу <...> В течение учебного года проводятся различные мероприятия, многие из которых стали традиционными: *месячник героико-патриотической работы "Защитник Отечества", "Вахта Памяти", "Уроки мужества", тематические линейки и беседы, выпуски боевых листков ко Дням воинской Славы России, встречи с ветеранами войны, шефство над памятниками, помощь в зонах "Милосердия", военно-спортивная эстафета на приз М.П. Крохалева – выпускника училища, Героя Социалистического Труда, ветерана Великой Отечественной войны.* Это лишь неполный перечень мероприятий, направленных на воспитание у учащихся чувств патриотизма, уважения к истории Отечества, традициям родного края <...> Меняются времена, внедряются новые современные технологии воспитательной работы, но было, есть и должно оставаться святым для всех и каждого любовь к Родине, память об историческом прошлом, защита Отечества. Впереди новый учебный год, новые планы, новые

успехи в гражданско-патриотическом воспитании учащихся профессионального училища № 5" (газета Красная Вишера").

Районные газеты с помощью идеологических штампов эпохи социализма поддерживают ощущение *своего круга, своего коллектива*, восполняют дефицит уважения и человеческого участия к судьбе тех, кто составляет *славу родного предприятия*. Вот лишь некоторые заголовки: *Наши люди, Люди нашего завода, Их знает весь завод, Люди – наша самая большая ценность, Калийщики выполнили годовой план, Её жизнь связана с «Уралкалем»*.

«Упрямство» тоталитарной идеологии объясняется не только отсутствием объединяющих нацию вербализованных новейших идей, но и естественным стремлением сохранить чувство общности и чувство собственного достоинства людей, составляющих большую часть населения небольшого рабочего города, не нашедших себя в предпринимательской деятельности, не осмысливших суть демократических перемен. Отшлифованные советской прессой способы языкового выражения ценностных идей социализма, тиражируемые районной газетой, которая входит в круг повседневного чтения, способствуют отчуждению провинции от центра, создают условия для консервации тоталитарных идеологем и мифологем.

1. Барт Р. Мифология / Р. Барт. – М., 1996.

2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург, 2002.

3. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты /

С.Г. Воркачев // ИАН СЛЯ. – 2001. – Т. 60. – № 6.

4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996.

5. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности: доклад на конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики" и материалы почтовой дискуссии. – М., 1991.

6. Кириллова Н. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Кириллова. – М., 2005.

7. Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий / отв. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург, 2000.

8. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург – Пермь, 1995.

9. Лукьянин В. Надежды снова нас питают... / В. Лукьянин // Интеллигенция и власть: сб. материалов. – Екатеринбург, 1997.

10. Мамардашвили М. Введение в философию: мой опыт нетипичен / М. Мамардашвили. – СПб., 2000.

11. Михайлова О.А. Предложения с предикатами свойства (вариантные отношения) / О.А. Михайлова // Вариантные отношения в языке и тексте. – Екатеринбург, 1993.

12. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 1998.

13. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996.

14. Садовский В.Н. Основания общей теории систем / В.Н. Садовский. – М., 1974.

15. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала

XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Складская // Исследования по славянским языкам. – Сеул. – 2001. – №6.

16. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2003.

17. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М., 1977.

18. Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения / гл. ред. Г.Н. Складская. – СПб., 1998.

19. Цуладзе А. Политическая мифология / А. Цуладзе. – М., 2003.